

1998 №1 (31)

ведения: стихи и проза, чье содержание перекликается с курсом газеты. В них тоже возникает периодически образ женщины-жертвы, который служит тем же целям: придает тексту большую экспрессивность. Например: "Глаз мертвый девушки чуть-чуть подслеповат.// В него война глядится, словно в воду.// И видит сквозь него слепой солдат // кровавый путь в Господнюю свободу" ("Советская Россия"-97, № 1). Речь в стихотворении, по всей видимости, идет о чеченской войне, но образ убитой девушки, как и слепого солдата явно служит для большего нагромождения ужасов.

В остальных случаях женщины упоминаются мельком, но из этих беглых упоминаний можно составить представление о том, каковы положительные и отрицательные героини "Советской России". Здесь тоже простая и жесткая диахотомия: "плохие женщины" корыстны ("От учителя географии Ковалевского ушла жена. - Ты не способен добывать деньги, - сказала она" - ("Советская Россия"-97, № 7), "хорошие" соответствуют традиционным представлениям о жене, матери, патриотке. Показательно, что в качестве эталона последних приводится фигура из древнерусской истории - великая княгиня Ирина, жена киевского князя Ярослава Мудрого: "В ее жилах текла скандинавская кровь, ибо по происхождению она была дочерью шведского короля. Однако выйдя замуж за великого князя и приняв имя Ирины, она всей душой восприняла Россию как свою родину. Ее происхождением пытались воспользоваться норвежцы, склоняя великую княгиню быть посредницей между ними и русичами, но она предупредила, что будет защищать интересы мужа. Семь сыновей и трех дочерей воспитала для России великая княгиня, и все они стали ревностными защитниками Православия. Перед смертью она приняла постриг" ("Советская Россия"-97, № 19).

Фрагмент очень выразительный, в нем четко перечислены черты идеальной женщины: преданность мужу, религиозность, многодетность, но прежде всего - патриотизм ("воспитала детей для России"). Однако даже патриотизм здесь имеет половую специфику - он обращен не к ее собственной Родине, но к Родине мужа.

Таким образом, "Советская Россия" оказалась самой последовательной из трех газет. Мы видим практически полную преемственность дискурса применительно к гендерным отношениям с двумя только поправками. Во-первых, из этой сферы жизни уходит идилия - когда Родина страдает, никакого личного счастья быть не может. Поэтому современные женщины, с симпатией описываемые на страницах "Советской России"-97 (например, актриса Т. Самойлова), обычно облачены в черное и всем своим печальным видом демонстрируют, что скорбят вместе с Россией. Во-вторых, сами упоминания гендерных отношений сведены почти к нулю, и это не случайно: согласно советской традиции патриархатной идеологии, которой более или менее придерживается "Советская Россия", назначение семьи определяется на государственном уровне, когда же государство оказывается чужим и идеологически враждебным, как бы теряется сам предмет контроля. Семья как концепт разрушается и теряет свои общественно полезные функции (а мы видели уже, что для советской идеологии базовой формой гендерных отношений является именно семья).

Видеоряд "Советской России" такой же явно маскулинный, как и в других газетах: 65,6% всех портретов принадлежит мужчинам, 15,1% - женщинам, 19,3% - мужчинам и женщинам вместе. Однако есть и специфика: только в этой газете доля знаменитостей среди опубликованных женских фотографий превышает такую долю для мужчин (71,4% и 55,7% соответственно). Этот феномен, на мой взгляд, объясняется уникальной политической цельностью газеты. Как описано выше, "Советскую Россию" не интересуют женщины как таковые, в данном историческом контексте востребованы именно деятельницы оппозиционного движения - они в основном и фигурируют на фотоснимках.

Анализ трех массовых российских газет оказался весьма продуктивным способом изучения динамики гендерной репрезентации в России. Идиллическая картина взаимоотношений между полами, нарисованная советскими газетами, держится на поддержке и опеке государства. Когда государство из заботливого патрона превращается на страницах прессы в кровожадного хищника, предоставленные сами себе мужчины и женщины оказываются в состоянии войны друг с другом. Все три газеты в той или иной степени поменяли стиль: от изображения "порядочных советских людей", непонятно, каким образом

совмещающих воспитание пятерых детей с успешной работой, они перешли к изображению проблемных сторон действительности. Обличительный пафос при этом часто успешно сочетается с "жареными сюжетами", призванными привлечь внимание читателей. Это, конечно, не может не сказаться на презентации мужчин и женщин, а также отношений между ними. Но я полагаю, помимо революции в газетных стилях происходит и изменение социальных норм - вернее, их размытие.

Все три советские газеты принадлежат к единому дискурсу, демонстрируя приверженность одинаковым ценностям и одним и тем же властным отношениям. Гендерные роли и связанные с ними ценности определены достаточно четко (хотя нюансы могут различаться в разных изданиях). В то же время в той части, которая касается женщин, сам рисунок роли оказывается внутренне противоречивым: для того, чтобы продемонстрировать успешное совмещение служения государству со служением семье, приходится идти на создание не очень правдоподобных сюжетов, вроде матери грудного ребенка, у которой "никогда не запирается дверь в доме" и которая при этом не пропускает ни одного комсомольского собрания; "горящей на

работе" колхозной бригадирши, у которой дома сами собой подрастают дети и т.п. Зато все положительные герои находят свое счастье в единении со своим народом и государством, причем семья, по сути, является одним из его институтов, работающим в гармонии с остальными.

При этом советские идеологические ценности прекрасно уживаются с патриархатными: первенство мужчин отчетливо прослеживается в самой структуре дискурса.

Что же касается газет пост-советского периода, то здесь картина более сложная. Во-первых, налицо отсутствие единой нормативно-ценостной системы, причем не только при сравнении разных изданий, но зачастую в рамках одного и того же номера газеты (исключение составляет здесь "Советская Россия", демонстрирующая цельную и ригидную идеологическую структуру). Можно говорить о распаде системы "повторяющихся практик", которые позволяли представителю каждого пола обрести необходимую гендерную идентичность, и создания поля "альтернативных идентичностей".

В то же время не одна из газет не дает позитивного образца конструирования гендерных ролей ни для мужчин, ни - в особенности - для женщин. В лучшем случае о женщинах пишут с сочувствием, но лишь о как постоянно страдающей стороне. Ничего похожего на феминистские подходы к гендерным ролям во всех проанализированных текстах нет.

По сути, речь идет лишь о модификации патриархатной идеологии, которая из государственно-патриархатной становится либерально-патриархатной ("Известия") или гедонистически-патриархатной ("Комсомольская правда"). С уходом с семейной авансцены государства мужчин и женщин связывает преимущественно секс - а иногда и вообще ничего не связывает, кроме общих проблем и взаимных противоречий.

При этом мужчина был и остается главным персонажем, определяющим течение событий, особенно наглядно это показывает мужских и женских фотографий и в советских и в пост-советских газетах: как пишет М.Хогарт, может создаться впечатление, что в нашем обществе мужчин в 5 раз больше, чем женщин.

В то же время, появление в центральных газетах вместо единого нескольких "дискурсов пола", даже если ни один из них не является равноправным, внушает определенную надежду. Дж.Батлер предлагала деконструировать мистифицированные идентичности, анализируя дискурс и вскрывая приемы, с помощью которых они извращаются. Калейдоскопическая картина современных российских масс-медиа дает возможность сделать этот анализ более эффективным, вскрывая властные отношения, которыми пропитана "сфера пола". Конструирование гендерных ролей в любом случае не происходит автоматически, по желанию политиков и редакторов газет, и критически прочитанные тексты могут дать почву не только для "промывания мозгов"...

